

А.Н. Афанасьев

**Поэтические воззрения
славян на природу**

**Опыт сравнительного изучения
славянских преданий и
верований, в связи с
мифическими сказаниями
родственных народов. Том 1**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А94

Афанасьев А.Н.
А94 Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями родственных народов. Том 1 / А.Н. Афанасьев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 801 с.

ISBN 978-5-458-40589-8

Итогом многолетнего исследовательского опыта историка и фольклориста Афанасьева А. Н. (1826-1871) явились "Поэтические воззрения славян на природу" - фундаментальный труд, посвященный историко-филологическому анализу языка и фольклора славян и связи с языком и фольклором других индоевропейских народов. Его труд до сих пор не превзойден в мировой науке о фольклоре. Книга историка и фольклориста Афанасьева А. Н. (1826-1871) выявляет связи языка и преданий, более того, воскрешает основы русского мышления, что особенно важно сейчас, когда язык и мышление русского человека изуродованы газетными штампами, блатным жаргоном и сленгом всякого рода, замусорены иностранными словами.

ISBN 978-5-458-40589-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предлагаемое сочиненіе отчасти уже знакомо публикѣ; на обработку его авторъ посвятилъ много годовъ, и по мѣрѣ того, какъ трудъ подвигался впередъ, нѣкоторыя отдѣльныя его части были печатаемы въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Такъ статья «Вѣдунъ и вѣдьма» помѣщена въ альманахѣ «Комета» 1851 года, изслѣдованія о «Зооморфическихъ божествахъ у славянъ» — въ Отечественныхъ Запискахъ 1852 года (№№ I — III), «Нѣсколько словъ о соотношеніи языка съ народными повѣрьями» — въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности 1853 г., замѣтки о «Мифической связи понятій: свѣта, зрѣнія, металловъ, оружія и жолчи» — въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, этнографическихъ до Россіи, 1854 года, и такъ далѣе. Въ настоящемъ изданіи всѣ эти статьи пересмотрѣны вновь, пополнены и исправлены согласно съ тѣми выводами, какіе въ позднѣйшее время добыты общими усиліями европейскихъ ученыхъ: Макса Мюллера, Куна, Машгардта, Шварца, Шикте и другихъ. Сверхъ сего, считаю нужнымъ прибавить, что, не смотря на все мое желаніе собрать и пояснить народныя славянскія повѣрья съ возможно-большою полнотою, цѣль эта не могла быть достигнута мною вполне; причина та, что книги и ученые журналы, издаваемые въ славянскихъ земляхъ, къ сожалѣнію почти не доходятъ до Москвы и добываются здѣсь не иначе, какъ съ большими затрудненіями, для преодоленія которыхъ не всегда достаточно доброй воли.

А. А.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИФА, МЕТОДЪ И СРЕДСТВА ЕГО ИЗУЧЕНІЯ.

Богатѣй и можно сказать—единственный источникъ разнообразныхъ мифическихъ представленій есть живое слово человеческое, съ его метафорическими и созвучными выраженіями. Чтобы показать, какъ необходимо и естественно создаются мифы (басни), надо обратиться къ исторіи языка. Изученіе языковъ въ разныя эпохи ихъ развитія, по уцѣлѣвшимъ литературнымъ памятникамъ, привело филологовъ къ тому справедливому заключенію, что матеріальное совершенство языка, болѣе или менѣе воздѣланнаго, находится въ обратномъ отношеніи къ его историческимъ судьбамъ: чѣмъ древнѣе изучаемая эпоха языка, тѣмъ богаче его матеріалъ и формы и благоустроеннѣе его организмъ; чѣмъ болѣе станешь удаляться въ эпохи позднѣйшія, тѣмъ замѣтнѣе становятся тѣ потери и увѣчья, которыя претерпѣваетъ рѣчь человеческая въ своемъ строеніи. Поэтому въ жизни языка, относительно его организма, наука различаетъ два различные періода: періодъ его образованія, постепеннаго сложенія (развитія формъ) и періодъ упадка и разчлененія (превращеній). Первый періодъ быва-

еть продолжителенъ; онъ задолго предшествуетъ такъ называемой исторической жизни народа, и единственнымъ памятникомъ отъ этой глубочайшей старины остается слово, запечатлѣвающее въ своихъ первоначальныхъ выраженіяхъ весь внутренній міръ челоѣка. Во второй періодъ, слѣдующій непосредственно за первымъ, прежняя стройность языка нарушается, обнаруживается постепенное паденіе его формъ и замѣна ихъ другими, звуки мѣшаются, перекрещиваются; этому времени по преимуществу соответствуетъ забвеніе кореннаго значенія словъ. Оба періода оказываютъ весьма значительное вліяніе на созданіе баснословныхъ представленій.

Всякой языкъ начинается съ образованія корней или тѣхъ основныхъ звуковъ, въ которыхъ первообытнй челоѣкъ обозначалъ свои впечатлѣнія, производимыя на него предметами и явленіями природы; такіе корни, представляющіе собою безразличное начало и для имени и для глагола, выражали не болѣе, какъ признаки, качества, общіе для многихъ предметовъ и потому удобно-прилагаемые для обозначенія каждаго изъ нихъ. Возникавшее понятіе пластически обрисовывалось словомъ, какъ вѣрнымъ и мѣткимъ эпитетомъ. Такое прямое, непосредственное отношеніе къ звукамъ языка и послѣдъ долго живетъ въ массѣ простаго, необразованнаго населенія. Еще до сихъ поръ въ нашихъ областныхъ нарѣчійхъ и въ намятинкахъ устной народной словесности слышится та образность выраженій, которая показываетъ, что слово для простолюдина не всегда есть только знакъ, указывающій на извѣстное понятіе, но что въ тоже время оно живописуетъ самыя характеристическіе отбѣки предмета и яркія, картинныя особенности явленія. Приведемъ примѣры: зыбу ить—неокрѣпильный грунтъ земли на болотѣ, пробоѣжь—проточная вода, леп (отъ глагола лить)—проливные дожди, сѣногной—мелкой, но продолжительной дождь, листодѣръ—осенній вѣтръ, по-

ползуха—мятель, которая стелется низко по землѣ, одранъ—тощая лошадь, лизунъ—коровій языкъ, куроцапъ—ястребъ, каркунъ—воронъ, холодянка—лягушка, полозъ—змѣй, изъѣдуха—злобный человѣкъ, и проч.; особенно богаты подобными рѣченіями народныя загадки: мигаѣ—глазъ, сморкало, сопай и шюхъ—нось, лепетайло—языкъ, зѣвало и ядало—ротъ, грабляки и махалы—руки, понура—свинья, лепетъ—собака, живулечка—дитя, и многія другія, въ которыхъ находимъ прямое, для всѣхъ очевидное указаніе на источникъ представленія. ¹⁾ Такъ какъ различные предметы и явленія легко могутъ быть сходны нѣкоторыми своими признаками и въ этомъ отношеніи производятъ на чувства одинаковое впечатлѣніе, то естественно, что человѣкъ сталъ сблизять ихъ въ своихъ представленіяхъ и придавать имъ одно и тоже названіе, или по крайней мѣрѣ названія, производныя отъ одного корня. Съ другой стороны каждый предметъ и каждое явленіе, смотря по различію своихъ свойствъ и дѣйствій, могли вызвать и въ самомъ дѣлѣ вызывали въ душѣ человѣческой не одно, а многія и разнородныя впечатлѣнія. Отъ того, по разнообразію признаковъ, одному и тому-же предмету или явленію придавалось по нѣскольку различныхъ названій. Предметъ обрисовывался съ разныхъ сторонъ, и только во множествѣ синонимическихъ выраженій получалъ свое полное опредѣленіе. Но должно замѣтить, что каждый изъ этихъ синонимовъ, обозначая извѣстное качество одного предмета, въ тоже самое время могъ служить и для обозначенія подобнаго-же качества многихъ другихъ предметовъ, и такимъ образомъ связывать ихъ между собою. Здѣсь-то именно крестятся тотъ богатый родникъ метафоры

¹⁾ „Виса висить, хода ходить, виса висала, хода съѣла“ говорить народная загадка про древесный плодъ (яблоко, грушу, жемуду) и свинью—Черниг. Г. В. 1855, 21.

ческихъ выраженій, чувствительныхъ къ самымъ тонкимъ оттънкамъ физическихъ явленій, который поражаетъ насъ своею силою и обиліемъ въ языкахъ древнѣйшаго образованія и который въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія племенъ, постепенно изсякаетъ. Въ обыкновенныхъ санскритскихъ словаряхъ находится 5 названій для руки, 11 для свѣта, 15 для облака, 20 для мѣсяца, 26 для змѣи, 35 для огня, 37 для солнца, и т. д. ¹⁾ Въ незапамятной древности значеніе корней было осязательно, присуще сознанію народа, который съ звуками роднаго языка связывалъ не отвлеченныя мысли, а тѣ живыя впечатлѣнія, какія производили на его чувства видимые предметы и явленія. Теперь представимъ, какое смѣшеніе понатій, какая путаница представлений должна была произойти при забвеніи кореннаго значенія словъ; а такое забвеніе рано или поздно, но непремѣнно постигаетъ народъ. То сочувственное созерцаніе природы, которое сопровождало человѣка въ періодъ созданія языка, въ послѣдствіи, когда уже перестала чувствоваться потребность въ новомъ творчествѣ, постепенно ослабѣвало. Болѣе и болѣе удаляясь отъ первоначальныхъ впечатлѣній и стараясь удовлетворить вновь-возникающимъ умственнымъ потребностямъ, народъ обнаруживаетъ стремленіе обратить созданный имъ языкъ въ твердо-установившееся и послушное орудіе для передачи собственныхъ мыслей. А это становится возможнымъ только тогда, когда самый слухъ утрачиваетъ свою излишнюю чуткость къ произносимымъ звукамъ, когда силою долговременнаго употребленія, силою привычки слово теряетъ наконецъ свой исконный живописующій характеръ, и съ высоты поэтическаго, картиннаго изображенія переходитъ на степень абстрактнаго наименованія — дѣлается ничѣмъ болѣе, какъ фонетиче-

¹⁾ М. Мюллеръ: Чтенія о языкѣ, 293.

скимъ знакомъ для указанія на извѣстный предметъ или явление, въ его полномъ объемѣ, безъ исключительнаго отношенія къ тому или другому признаку. Забвеніе корня въ сознаніи народномъ отнимаетъ у всѣхъ образовавшихся отъ него словъ — ихъ естественную основу, лишаетъ ихъ почвы, а безъ этого память уже безсильна удержать все обиліе словозначеній; вмѣстѣ съ этимъ связь отдѣльныхъ представленій, державшаяся на родствѣ корней, становится недоступною. Большая часть названій, данныхъ народомъ подъ наитіемъ художественнаго творчества, основывалась на весьма-смѣлыхъ метафорахъ. Но какъ скоро были порваны тѣ исходныя нити, къ которымъ онѣ были прикрѣплены изначала, метафоры эти потеряли свой поэтический смыслъ и стали приниматься за простые, переносныя выраженія, и въ такомъ видѣ переходили отъ одного поколѣнія къ другому. Понятныя для отцовъ, повторяемыя по привычкѣ дѣтьми, онѣ явились совершенно-неразгаданными для внуковъ. Сверхъ того, переживая вѣка, дробясь по мѣстностямъ, подвергаясь различнымъ географическимъ и историческимъ вліяніямъ, народъ и не въ состояніи былъ уберечь языкъ свой во всей неприкосновенности и полнотѣ его начального богатства: старѣли и вымирали прежде-употребительныя выраженія, оживали вѣкъ грамматическія формы, одни звуки замѣнялись другими родственными, старымъ словамъ придавалось новое значеніе. Вслѣдствіе такихъ вѣковыхъ утратъ языка, превращенія звуковъ и подовленія понятій, лежавшихъ въ словахъ, исходный смыслъ древнихъ рѣченій становился все темнѣе и загадочнѣе, и начинался неизбѣжный процессъ миопическихъ оболещеній, которыя тѣмъ крѣпче окутывали умъ человека, что дѣйствовали на него неотразимыя убѣжденія роднаго слова. Стоило только забыть, затерять-я первоначальной связи понятій, чтобы метафорическое унодобленіе получило для народа все значеніе дѣйствительнаго факта и

послужило поводомъ къ созданію цѣлаго ряда баснословныхъ сказаній. Свѣтила небесныя уже не только въ перепосномъ, поэтическомъ смыслѣ именуется «очами неба», но въ самомъ дѣлѣ представляются народному уму подъ этимъ живымъ образомъ, и отсюда возникаютъ миры о тысячеглазыхъ, неусышномъ ночью стражѣ — Аргусѣ и одноглазыхъ божествъ солнца; извивистая молнія является огненнымъ змѣемъ, быстролетныя вѣтры надѣляются крыльями, владыка лѣтнихъ грозъ — огненными стрѣлами. Въ началѣ народъ еще удерживалъ сознаніе о тождествѣ созданныхъ имъ поэтическими образами съ явленіями природы, но съ теченіемъ времени это сознаніе болѣе и болѣе ослабѣвало и наконецъ совершенно терялось; многочисленные представленія отдѣлялись отъ своихъ стилистическихъ основъ и принимались какъ что-то особое, независимое отъ нихъ существующее. Смотри на громоносную тучу народъ уже не усматривалъ въ ней Перуновой колесницы, хотя и продолжалъ разсказывать о воздушныхъ поѣздахъ бога-громовника и вѣрилъ, что у него дѣйствительно есть чудесная колесница. Тамъ, гдѣ для одного естественнаго явленія существовали два, три и болѣе названій, — каждое изъ этихъ именъ давало обыкновенно поводъ къ созданію особеннаго, отдѣльнаго мифическаго лица, и обо всѣхъ этихъ лицахъ повторялись совершенно-тождественныя исторіи; такъ напр. у грековъ рядомъ съ Фебомъ находимъ Геліоса. Нередко случалось, что постоянныя эпитеты, соединяемые съ какимъ-нибудь словомъ, вмѣстѣ съ нимъ прилагались и къ тому предмету, для котораго означенное слово служило метафорой: солнце, будучи разъ названо львомъ, получало и его когти, и гриву, и удерживало эти особенности даже тогда, когда забывалось самое животное уподобленіе. ¹⁾ Подъ такимъ чарующимъ воздействием зву-

¹⁾ М. Мюллеръ, 64 — 65.

ковъ языка слагались и религіозныя, и нравственныя убѣжденія человѣка. «Человѣкъ (сказалъ Бэконъ) думаетъ, что умъ управляетъ его словами, но случается также, что слова имѣютъ взаимное и возвратное вліяніе на нашъ разумъ. Слова, подобно татарскому луку, дѣйствуютъ обратно на самый мудрый разумъ, сильно путаютъ и извращаютъ мышленіе.» Высказывая эту мысль, знаменитый философъ конечно не предчувствовалъ, какое блистательное оправданіе найдетъ она въ исторіи вѣрованій и культуры языческихъ народовъ. Если переложить простыя, общепринятыя нами выраженія о различныхъ проявленіяхъ силъ природы на языкъ глубочайшей древности, то мы увидимъ себя отовсюду окруженными многами, неполными яркими противорѣчій и несообразностей: одна и та-же стихійная сила представлялась существомъ и безсмертнымъ и умирающимъ, и въ мужскомъ и въ женскомъ полѣ, и супругомъ извѣстной богини и ея сыномъ, и такъ далѣе, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія посматрѣлъ на нее человѣкъ и какія поэтическія краски придалъ таинственной игрѣ природы. Ничто такъ не мѣшаетъ правильному объясненію мифовъ, какъ стремленіе систематизировать, желаніе подвести разнородныя преданія и повѣрья подъ отвлеченную философскую мѣрку, чѣмъ по преимуществу страдали прежніе, нынѣ уже отжившіе методы мифотолкованія. Не имѣя прочныхъ опоръ, руководясь только собственною, ничѣмъ не сдержанною догадкою, ученые, подъ вліяніемъ пришедшей человѣку потребности уловить въ безсвязныхъ и загадочныхъ фактахъ сокровенный смыслъ и порядокъ, объясняли мифы — каждый по своему личному разумѣнію; одна система смѣняла другую, каждое новое философское ученіе рождало и новое толкованіе старинныхъ сказаній, и все эти системы, все эти толкованія также быстро падали, какъ и возникали. Мифъ есть древнѣйшая поэзія, и какъ свободны и разнообразны могутъ

быть поэтическия воззрѣнія народа на міръ, также свободны и разнообразны и созданія его фантазіи, живописующей жизнь природы въ ея ежедневныхъ и годовичныхъ превращеніяхъ. Живої духъ поэзіи не легко поддается сухому формализму ума, желающему все строго разграничить, всему дать точное опредѣленіе и согласить всевозможныя противорѣчія; самыя любопытныя подробности преданій оскапелъ для него неразгаданными или объяснены съ помощію такихъ хитрыхъ отвлеченностей, которыя нисколько не вяжутся съ степенію умственного и нравственнаго развитія младенческихъ народовъ. Новый методъ мноютолкованія потому именно и заслуживаетъ довѣрія, что приступаетъ къ дѣлу безъ напередъ-составленныхъ выводовъ и всякое свое положеніе основываетъ на прямыхъ свидѣтельствахъ языка: правильно понятія, свидѣтельства эти стоятъ крѣпко, какъ правдивый и неопровержимый памятникъ старины.

Слѣдя за пропехожденіемъ мѣоовъ, за ихъ исходнымъ, первоначальнымъ значеніемъ, изслѣдователь постоянно долженъ имѣть въ виду и ихъ дальнѣйшую судьбу. Въ историческомъ развитіи своемъ мѣоы подвергаются значительной переработкѣ. Особенно важнымъ здѣсь слѣдующія обстоятельства: а) раздробленіе мѣоическихъ сказаній. Каждое явленіе природы, при богатствѣ старинныхъ метафорическихъ обозначеній, могло изображаться въ чрезвычайно-разнообразныхъ формахъ; формы эти не вездѣ одинаково удерживались въ народной памяти: въ разныхъ вѣтвяхъ населенія выказывалось преимущественное сочувствіе къ тому или другому сказанію, которое и хранилось какъ свѣтъ, тогда какъ другія сказанія забывались и вымирали. Что было забываемо одною отраслью племени, то могло уцѣлѣть у другой, и наоборотъ что продолжало жить тамъ, то могло утратиться здѣсь. Такое раздѣленіе тѣмъ сильнѣе заявляло себя, чѣмъ болѣе помогали ему